

**ОФИЦЕРЫ
РОССИИ**

Генерал-майор артиллерии

Н.В. Литвинов

На службе

В АРТИЛЛЕРИИ

Офицеры России

Николай Литвинов

На службе в артиллерии

«ИП Каланов»

1977-1978

Литвинов Н. В.

На службе в артиллерии / Н. В. Литвинов — «ИП Каланов»,
1977-1978 — (Офицеры России)

ISBN 978-5-6042238-7-1

Автор книги генерал-майор артиллерии Литвинов Николай Васильевич. В ней он подробно рассказывает о своем трудном детстве и юношестве, об участии в Великой Отечественной войне и о военной службе в послевоенное время. Николай Васильевич не случайно назвал свои воспоминания «На службе в артиллерии», которой он посвятил самую активную часть своей жизни. Он участник Курской битвы, Житомирско-Бердичевской, Корсунь-Шевченковской Львовско-Сандомирской и Висло-Одерской операций. После войны служил в Туркестанском, Прикарпатском, Одесском и Закавказском военных округах. Окончил Военную артиллерийскую командную академию, командовал артиллерийским полком, артиллерийской и ракетной бригадами, в течение 9 лет возглавлял Одесское (высшее артиллерийское командное) артиллерийское ордена Ленина имени М.В. Фрунзе училище, руководил ракетными войсками и артиллерией армейского корпуса. Воспоминания генерал-майора артиллерии Н.В. Литвинова являются примером жизни и деятельности наших военачальников, вышедших из народных масс, воспитанных советской действительностью, внесших значительный вклад в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны, и крепивших оборону страны в мирное время. Мемуары подготовлены к изданию кандидатом военных наук, доцентом, полковником в отставке Рипенко Юрием Борисовичем.

ISBN 978-5-6042238-7-1

© Литвинов Н. В., 1977-1978

© ИП Каланов, 1977-1978

Содержание

Вместо предисловия	8
Слово автору	11
Семья. Быт. Детство. Школьные годы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Николай Васильевич Литвинов

На службе в артиллерии

©Литвинов Н.В.

© Под редакцией: Рипенко Ю. Б.

Генерал-майор артиллерии Литвинов Николай Васильевич

Разрешите дать вам совет, лейтенант. Не становитесь генералом. Никогда не становитесь генералом. Если вы станете генералом, у вас будет слишком много забот.

Генерал армии Дуайт Д. Эйзенхауэр, 9 мая 1965 г.

Молись богам войны, артиллеристам!
Владимир Высоцкий

Вместо предисловия

Слова американского генерала и президента Эйзенхауэра, вынесенные в эпиграф предисловия, не приобретают смысл убеждения молодого офицера или молодого человека отбросить все мысли о мечте стать генералом. Напротив, цель совершенно другая. Это только в известной песне поется: *«Как хорошо быть генералом, лучшей работы, я вам, сеньоры, не назову!»*. В военной жизни это труд, с высокой ответственностью за жизни и здоровье людей, качество выполняемых задач как в военное, так и мирное время, и многое другое. Воспоминания генерал-майора артиллерии Николая Васильевича Литвинова тому свидетельство.

Биография генерал-майора артиллерии Николая Васильевича Литвинова является примером жизни и деятельности наших военачальников, вышедших из народных масс, воспитанных советской действительностью, внесших значительный вклад в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны, и крепивших оборону страны в мирное время.

Родившись в крестьянской семье, Николай Васильевич с детства познал тяжелый крестьянский труд. Детство и молодость прошли в годы Гражданской войны и становления молодой Советской Республики, а это и коллективизация, и создание тяжелой промышленности, и многое другое. И кто знает, выдержал бы Николай Васильевич все тяготы и лишения войны, да и проблемы мирного времени до войны и после войны, не познавши трудностей в пору своего детства и молодости.

Как и для всех участников войны, так и для Николая Васильевича, война была тяжелым испытанием. И он это испытание с честью выдержал. Достоинно перенес все тяготы и лишения военной действительности.

Подводя итоги своей 30-летней жизни, Николай Васильевич отметил: *«Трудности в жизни имеют и другую сторону медали. Они закаляют людей, делают их более стойкими, упорными, инициативными, более приспособленными к самой жизни»*.

Опыт, приобретенный в годы войны, Николай Васильевич активно внедрял в годы мирного ратного труда. Окончил Военную артиллерийскую академию, командовал артиллерийскими частями и соединениями. Получил назначение командиром одной из первых сформированных ракетных бригад. Это свидетельствовало о том, что командование видело в нем перспективного офицера и будущего генерала. В течение 9 лет он возглавлял Одесское артиллерийское училище. Примечательно, что Николай Васильевич возглавил артиллерийское училище, чтобы перепрофилировать его в ракетное, а через три года, наоборот – из ракетного в артиллерийское. Эти непростые задачи Николай Васильевич выполнил. А в 1969 году Николаю Васильевичу пришлось училище по подготовке артиллеристов по профилю среднего училища перевести в высшее артиллерийское командное училище.

Николай Васильевич интересно описывает свои встречи с Маршалом Советского Союза И.С. Коневым, Главным маршалом артиллерии С.С. Варенцовым, маршалом артиллерии К.П. Казаковым, генералами армий П.И. Батовым, Я.Г. Крейзером, генерал-лейтенантом артиллерии В.И. Гоффе и другими военачальниками.

Как известно, в современной жизни интернет дает нам возможность широкого общения со своими одноклассниками, однокашниками, сослуживцами, друзьями и товарищами. И это позволило лично мне установить, как к Николаю Васильевичу относятся его воспитанники, сколько теплых и доброжелательных слов они говорят и пишут о своем начальнике училища, всегда с большим желанием принимают участие в обсуждении эпизодов своей курсантской жизни, связанных с деятельностью начальника училища генерал-майора артиллерии Н.В. Литвинова.

После училища, на очередном этапе своей военной службы, Николай Васильевич в течение четырех лет возглавлял ракетные войска и артиллерию армейского корпуса. Следует отме-

тять, что это редкий случай. Как правило, начальники училищ уходят с этой должности на пенсию, но, к сожалению, Николаю Васильевичу такой возможности не предоставили. Почему? Об этом читатель узнает из его воспоминаний.

Интересны взгляды Николая Васильевича на проблемы воспитания подрастающего поколения. Порой жесткие его суждения о молодежи 70-х годов нелегко принять, но вполне справедливы, так как написаны человеком, многое пережившим.

Свои воспоминания Николай Васильевич написал в 1977–1978 годах. И надо отметить, что не всегда встретишь в мемуарной литературе описание не совсем выигрышных сторон жизни мемуариста. Напротив, Николай Васильевич подробно описал как все положительное, так и не очень, в своей военной жизни. Николай Васильевич не приукрашивал все произошедшее с ним, и не превозносил себя. Он не лакирует характеры и своих подчиненных, и своих начальников. Это чувствуешь с первых и до последних строк его воспоминаний. Убежден, что читатель сам в этом убедится. Думаю, что читателя, особенно военнослужащего, не оставят безразличным примеры службы Николая Васильевича, в которых ясно видна роль человеческого фактора, который не теряет своей актуальности и в современной жизни.

Много внимания Николай Васильевич уделил своей семье, преодолению непростых бытовых условий, складывающихся в нелегкой жизни служивого человека.

В обращении к своим потомкам Николай Васильевич написал: *«Записки не претендуют на художественную значимость и не предназначаются для печати.»*

Они носят семейный, доверительный характер. Хотелось бы, чтобы они положили начало семейному архиву». Но мы, с позволения и участия сына Николая Васильевича – Александра Литвинова, опубликуем их в интернете. Пусть они будут ярким примером отношения к своему служебному долгу наших отцов и дедов.

Прежде чем читатель познакомится с воспоминаниями Н.В. Литвинова целесообразно узнать его краткую биографию.

Николай Васильевич родился 2 декабря 1918 года в селе Сарай Сараевского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье. С 1926 года учится в Казинской начальной школе. В 1933 году окончил 7 классов школы колхозной молодежи. В 1937 году окончил Сараевскую среднюю школу. В 1937 году поступил в 1-е Ленинградское артиллерийское училище имени Красного Октября. В конце первого курса был переведен во 2-е Киевское артиллерийское училище, которое окончил в 1939 году. После окончания училища был назначен командиром курсантского взвода.

Первый боевой опыт приобрел в составе сводного артиллерийского полка 7 июля 1941 года на оборонительном рубеже в 30 км западнее Киева.

В конце июля 1941 года в составе училища прибыл в район станции Разбойщина (18 км от Саратова). В начале 1942 года назначен заместителем командира батареи курсантов, в мае этого года – командиром батареи.

В августе 1942 года присвоено очередное воинское звание старшего лейтенанта.

В январе 1943 года назначен помощником начальника штаба – начальником разведки 1476-го гаубичного артиллерийского полка Западного фронта 14-й артиллерийской дивизии.

В мае 1943 года присвоено звание капитана. В июне 1943 года назначен начальником разведки 685-го легкого артиллерийского полка (лап) 15-й легкой артиллерийской бригады (лабр) 3-й артиллерийской дивизии прорыва (адп). В этой должности участвует в Курской битве. В августе 1943 года награжден орденом Красной Звезды и назначен начальником разведки 15-й лабр.

С 24 декабря 1943 года по 14 января 1944 года участвует в Житомирско-Бердичевской операции, а с 24 января по 17 февраля 1944 года – в Корсунь-Шевченковской операции. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Весной 1944 года присвоено звание майора.

С 13 июля по 29 августа 1944 года участвует в Львовско-Сандомирской операции.

Осенью 1944 года награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и назначен на должность заместителя начальника штаба 15-й лабр.

С 12 января по 3 февраля 1945 года участвует в Висло-Одерской операции.

10 мая 1945 года назначен начальником штаба 637-го лап.

В июле 1945-го года назначен начальником штаба 64-й тяжело-минометной бригады, а осенью этого года заместителем командира этой же бригады.

В мае 1946 года получил назначение на должность начальника разведки 3-й артиллерийской дивизии прорыва.

С июня 1946 года служит в Туркестанском военном округе.

Весной 1947 года назначен на должность заместителя начальника штаба – начальника разведки штаба артиллерии корпуса. Летом 1948 года присвоено звание подполковника.

С 1949 по 1953 год учится в Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского (г. Москва), с 1953 по 1954 год – в Военной артиллерийской командной академии (Ленинград).

После окончания академии получил назначение на должность командира 202-го гаубичного артиллерийского полка (г. Рава-Русская) Прикарпатского военного округа с присвоением звания полковника.

В январе 1956 года назначен командиром 57-й гаубичной артиллерийской бригады 7-й артиллерийской дивизии прорыва РВГК (г. Гайсин Винницкой области).

В 1958 году назначен командиром ракетной бригады (г. Кременец Тернопольской области).

9 мая 1961 года присвоено звание генерал-майора артиллерии.

С 1961 по 1970 год Николай Васильевич руководил Одесским артиллерийским ордена Ленина имени М.В. Фрунзе училищем (с 1969 года – Одесское высшее командное ордена Ленина училище имени М.В. Фрунзе училище).

В 1968 году награжден орденом Красного Знамени.

С 1970 по июль 1974 год служит начальником РВиА армейского корпуса (г. Батуми, Закавказский военный округ).

В июле 1974 года завершил службу в Вооруженных Силах. Жил в Одессе. Некоторое время работал директором студенческого городка института.

Написал воспоминания в 1977–1978 гг.

Николай Васильевич ушел из жизни 16.01.2004 года.

Я выражаю искреннюю признательность Александру Николаевичу и Олегу Александровичу Литвиновым, Александру Ивановичу Паккарю за предоставленные материалы и возможность подготовить и опубликовать воспоминания генерал-майора артиллерии Николая Васильевича Литвинова.

Юрий Рипенко

*Сынoveям, внукам и правнукам своим завещаю
Н.В. Литвинов*

Слово автору

Эти записки имеют целью рассказать следующему поколению о том, как жили, трудились и боролись их не столь отдаленные предки, что составляло предмет их волнений и забот, как за сравнительно короткий исторический срок (за 60 лет¹) многое изменилось в нашей стране: в культуре людей, экономике, социальной жизни. Как люди, экономически отсталой, нищей и лапотной России, благодаря Великому Октябрю, из болота нищеты, невежества и бескультурья «тянулись к свету», поднимались по социальной лестнице на недоступную для них при царизме высоту, как страна наша превратилась в индустриальную мировую державу.

Из этих записок мои потомки узнают о войне из рассказов ее непосредственного участника, узнают, как сражались против сильного, коварного и ненавистного врага – немецкого фашизма люди моего поколения.

Записки не претендуют на художественную значимость и не предназначаются для печати. Они носят семейный, доверительный характер. Хотелось бы, чтобы они положили начало семейному архиву.

В этих записках мои сыновья, внуки и правнуки из первых рук узнают о жизни своего отца, деда, прадеда.

Начинаю писать, а сам думаю: сумею ли донести, передать на этих рукописных страницах все, что пережил. Будет ли хоть в какой-то степени представлять интерес написанное для тех, кому эти записки предназначаются, кому они завещаются.

Н. Литвинов

---

¹ Николай Васильевич Литвинов написал мемуары в 1978 году. – *Прим. ред.*

Семья. Быт. Детство. Школьные годы

Родился я через год после Октябрьской революции, точнее 2 декабря 1918 года в селе Сарай Сараевского уезда (района) Рязанской губернии в семье крестьянина. Я был шестым по счету ребенком, а всего нас было восемь детей, двое из которых умерли в раннем возрасте. Последний из нас Алексей родился, когда отцу было 44 года, а матери – 46 лет.

Почему так много детей было в крестьянской семье? Очень просто. После декрета о земле, провозглашенном Советским правительством, земля распределялась «по душам», едокам. А земля для крестьян была основным, а для абсолютного большинства из них, единственным источником жизни. Чем больше земли, тем больше хлеба. А если есть хлеб, нет голода, нет смерти.

Отец, Василий Митрофанович – мужчина большого роста (190 см), большой физической силы, с тёмно-рыжей бородой, темными волосами, остриженными «под кружок». В памяти он возникает всегда в своей неизменной одежде: белой холстяной (домотканой) рубахе, с косым воротником, подпоясанной узким ремешком или веревочкой, серых полосатых (тоже домотканых) штанах, лаптях, онучах, обмотанных тонкой веревкой. Даже зимой он носил лапти. Валенки он себе купить не мог, потому что трудно было подобрать по размеру (48-й размер), да и дорого. Лапти себе и всей семье плел он сам. Зимой на голове носил лохматую шапку, перешитый полушубок (комбинация новых и старых овчин), а поверх коричневый зипун или тулуп. В сильный мороз голову обвязывал башлыком (трофеей Первой мировой войны).

По своему развитию отец был, как и большинство крестьян, почти неграмотным (в школе учился один год) и ограниченным. Написать письмо для него стоило большого труда и усилий.

По характеру он был крутого нрава и не терпел непослушания. Строгий и властный отец был хозяином в семье в полном смысле этого слова. Нельзя сказать, что он отличался большим умом, скорее наоборот. В нем не было и хитрости. Сила, грубость, строгость и крутой нрав – главные особенности его личности.

Отец не баловал нас своим вниманием и лаской. Воспитание сводилось к затрещине по шее, рывку за ухо, использованию ремня. Последний всегда висел на гвоздике у входной двери.

О любви к отцу речи не было. Мы его всегда боялись. Он воевал четыре года в Первой мировой войне, в пехоте и вернулся домой вскоре после революции.

Рассказывая о войне, чаще всего вспоминал, как его после разрыва немецкого снаряда завалило в окопе землей. И если бы не друг, который его откопал, остался бы он на чужбине заживо погребенным, да и меня бы не было на этом свете.

Вся жизнь отца была связана с землей: пахал, сеял, косил, молотил. Все это по заведенному циклу с ранней весны до поздней осени, с рассвета до заката.

В зимнее время иногда занимался извозом или чистил проруби на реке, за что местные жители платили ему по установленной общественностью таксе.

Так продолжалось до коллективизации. Отец умер в 1931 году. У него было два брата Павел и Иван. Первый погиб в Первой мировой войне, оставив четверых детей, второй дожил в селе до старости, вырастив пятерых детей.

Деда своего Митрофана я не помню, о нем никогда не говорили в нашей семье. Видимо, он умер очень рано. Бабку Марфу я тоже не помню. Мать говорила, что она умерла, когда мне было два года. Это была рослая, властная старуха. Мать ее сильно боялась, возражать ей не могла. И хотя бабка была уже физически немощной и не работала, но хозяйство вела сама. А это значит, что деньги, откуда бы они ни поступали, все до копейки хранились у нее. Матери было уже 40 лет и куча детей, распорядиться в доме она не могла. Полноправной хозяйкой мать стала только после смерти бабки.

Мать Наталия Павловна, в отличие от отца, женщина малого роста с дугообразными ногами, прикрытыми широкой и длинной юбкой до пят, всегда отличалась умом, даже с некоторой хитринкой, хотя в школе училась всего один год.

Сколько я ее знал, она была неизменно одета в черную юбку и черную кофту с черным платком на голове. На ногах летом лапти, зимой подшитые валенки. В праздничные дни иногда одевала «на люди» свои заветные полусапожки – ее приданое и только позже я покупал ей туфли и ботинки уже советского производства.

Вся эта черная одежда матери была как бы олицетворением вечного траура, гнета и безысходности.

В отличие от отца мать жалела нас, защищала, как могла, от его самодурства и, так же как и отец несла свою трудную ношу непосильного физического труда на земле, растила детей, работала на дому, готовила еду, ухаживала за скотом.

Труд ее был каторжный. Она вставала в пять-шесть часов (летом еще раньше) и ложилась в полночь. Не помню кого именно, но одного из нас, она рождала в поле, во время уборки хлеба. И именно во время уборочной страды ей было особенно тяжело.

Отец имел косу с длинным лезвием, что позволяло по его силе брать широкий ряд ржи. За ним могли вязать снопы две женщины, едва успевая. А мать стремилась успеть одна. Отец ее все время подгонял – «пошевеливайся».

Но угнетал ее не только непосильный труд, но и самодурство отца, особенно, когда он появлялся пьяный. Тогда все мы разбежались кто куда, и только мать оставалась один на один с отцовским буйством.

Помню, когда мне было лет семь, как вернулся отец со старшими братьями с базара, под хмелем. И тут оказалось, что старший брат Михаил забыл в харчевне какую-то вещь. Узнав об этом, отец намеревался бить Михаила, но мать решила заступиться и рука ее оказалась на ребре (углу) печки-голландки. Удар огромного кулака и рука матери сломалась пополам. Ее отвезли в больницу. Но, как я помню, у отца не было угрызения совести по этому случаю. За три недели нахождения матери в больнице, он только один раз был у нее с передачей (вареной картошкой).

Был случай, когда отец бил уздечкой (металлическими удилами) второго брата Василия. Мать тогда тоже пыталась заступиться и получила свою долю ударов.

Когда мне было 6–7 лет, в селе было еще сильное влияние религии. Тогда был обычай на религиозный праздник «Рождество» рано утром ходить по домам и «славить Христа». Это делали обычно дети, получая за это в каждом доме 3–5 копеек. Я тоже был в числе тех, кто славил и забежал домой показать матери свои «заработки». Но в это время отцу потребовался топор. Он меня спрашивает:

– Где топор?

– Не знаю, – отвечаю я ему. И быстро выхожу из дома. Отец за мной, я решил отбежать подальше от греха. Пробежав метров семьдесят, он догнал меня, свалил в снег и начал угощать пинками, приговаривая: «Где топор?», «Где топор?».

О самодурстве отца можно писать много, оно исходило из особенности его характера, грубого воспитания и бескультурия.

Как-то уже в зрелые годы я спросил мать:

– Почему ты вышла замуж за отца?

– А меня сосватали, родители согласились, деваться было некуда.

Позже она призналась, что ей очень нравился другой, Филька, она до старости о нем вспоминала с умилением.

На мой второй вопрос:

– Как же ты жила с отцом, таким самодуром?

Она, видимо, вспоминая редкие просветы своего замужества, задумавшись, молвила:

– Он, кубыть, был с молоду пригожий.

Мать никогда не говорила «когда я вышла замуж», а всегда говорила «когда меня привели».

У матери было четыре брата. Все они дожили до преклонных лет и умерли в нашем селе. Мать умерла в 1964 году в 83 года, пережив отца на 31 год.

Как уже говорилось, нас детей в семье было живых шесть человек: Михаил 1905 года рождения, Василий 1908 г.р., Мария 1911 г.р., я, Любовь 1921 г.р., Алексей 1924 г.р. Сейчас, когда пишутся эти строки, в живых остались, кроме меня, Василий и Любовь. Оба живут в Сараях.

Михаил, огненно-рыжий, высокого роста, волевой, в школе учился пять лет.

До призыва в Красную Армию работал с отцом. В армию его призвали в 1926 году. Отслужив три года в артиллерии, он остался на сверхсрочную службу, вскоре поступил в Рязанское артиллерийское училище, а потом по окончании училища, служил в основном на Дальнем Востоке, дослужился до командующего артиллерией дивизии. В 1945 году он уволился, приехал в Сарай, был председателем колхоза, но поссорившись с районным руководством, уехал в Егорьевский район Московской области. Там он работал председателем потребсоюза. В 1952 году он умер от рака. Жена его вскоре вышла замуж. О двух его сыновьях Анатолии и Валерии сведений имею мало.

Из периода моего раннего детства в памяти остался такой случай с Михаилом. Поехали мы с ним летом за снопами ржи в поле. Мне тогда было лет пять-шесть, ему 18–19. Михаил уложил копну снопов на телегу, затянул ее жердью, залезли мы с ним на воз, едем. Он закурил и горящую сигарку бросил вперед. Спичка застряла в снопах, сухих как порох. Прошли секунды и мы видим пламя. Михаил начал рукой сбивать его, но это у него не получилось, так как огонь от ударов руки разгорался еще сильнее и вскоре весь воз был объят пламенем. Михаил спрыгнул с воза. Лошадь, чувствуя сзади огонь, припекающий ей круп, свернув с дороги, понесла по жнивью галопом.

Я сидел на возу, пока можно было терпеть, когда же стало невозможно, через пламя спрыгнул на землю. Брат, обрезав гужи хомута, выпряг лошадь. У нее обгорел круп. Чувствуя свою вину и растерявшись, Михаил принялся снимать колесо, при этом обжег себе щеку, но колесо снял. Отметину носил всю жизнь. Телега с копной сгорела.

Придя домой, Михаил упал отцу в ноги, опасаясь смертного боя. Но отец, вопреки ожиданиям, а может быть потому что увидел обгоревшее лицо сына, не стал его бить, хотя тяжело переживал, что телеги уже нет и лошадь надолго вышла из строя.

Василий пошел в мать, небольшого роста, плотный, кряжистый, имел слегка дугообразные ноги, в молодости был физически сильным человеком (в драках всегда выходил победителем). Всю жизнь он прожил в основном в Сараях и только несколько лет на Дальнем востоке (на о. Сахалин), куда он уезжал до войны к Михаилу. Откуда его во время войны призвали в армию, участвовал в разгроме Японии в 1945 году. После войны вернулся в родные места. Основная его специальность – кузнец. Практически вся жизнь его прошла у горна. В эти дни ему под семьдесят. Пенсионер, но еще здоров, работает летом в своем саду и в огороде, а зимой на производстве. Двое сыновей: Александр и Евгений, выросли, женились, живут самостоятельной жизнью. Имеют детей и внуков. Так что Василий уже прадед. В детстве Василий учился мало, всего полтора раза, да и те с прохладцей. Мать рассказывала:

– Соберу его в школу, а он вместо школы уходил на речку кататься на лед.

Ребята идут из школы и он с ними.

Так продолжалось до тех пор, пока отец сказал:

– Хватит, пусть идет работать.

В более поздние годы, Василий нередко упрекал мать:

– Почему ты тогда не заставила меня учиться? Взяла бы кнут, да отстегала бы.

Раскаяние... Но слишком позднее.

Мария, стройная, темноволосая, симпатичная и трудолюбивая. Она была любимицей в семье. В 1930 году вышла замуж и как-то у нее случилось воспаление аппендицита, а она была беременной. Вместо того, чтобы обратиться к врачам, мать вместе с знахарками в течение трех дней держали ее на печи и «ставили банки». В результате перитонит и в свои 20 лет Мария умерла.

Любовь характером и внешностью в отца, только роста среднего. С гонором и очень упрямым характером. От испуга в детстве заикается и поэтому в разговоре испытывает определенные стеснения и затруднения. Окончила семь классов, но в дальнейшем самообразованием не занималась, так и осталась с отсталыми взглядами на жизнь и с претензией на свою значимость. Всю жизнь прожила она за материнской спиной, забот особых не знала. Труд и чистоплотность не любила.

В детстве за свой строптивый характер и упрямство наказывалась больше, чем другие дети. В семье ее не очень жаловали. Так что имя Любовь для нее оказывается скорее нарицательным. После смерти матери, она, будучи 45-летней, вышла замуж за вдовца, и живет с ним до сих пор.

Алексей – младший брат, последыш. Высокий, плотный блондин, даже пшеничный. Добродушен и общителен. До войны окончил восемь классов. В 1942 году окончил ускоренный курс (шесть месяцев) артиллерийского училища, в воинском звании лейтенанта убыл на Ленинградский фронт. На фронте он возил боеприпасы из Ленинграда на передовую. В 1943 году в 20 км от фронта прилетел один единственный немецкий снаряд и разорвался рядом с машиной, у которой стоял Алексей, поставив ногу на подножку крыла. Осколок снаряда в висок оборвал 18-летнюю жизнь.

Хозяйство отца в двадцатых годах считалось середняцким. Изба – старенький семерик (7x7 аршин) с сенцами, лошадь, корова и пяток овец. К избе с сенцами вплотную был пристроен двор для скота, а за двором в 70–80 метрах рига, в которой хранилось все убранное с поля: рожь, овес, просо, сено. Была еще глиняная мазанка, в ней хранилось зерно, а летом там спали в прохладе.

Все постройки, как и у других крестьян, были покрыты соломой.

Крестьянская изба... Одну четверть ее занимала русская печь. На печи спали, в ней пекли хлеб, варили пищу на семью. Иногда в ней отец парился. В другой четверти избы – в углу – кухонная утварь с чугунными кадками и рогачами. В третьей четверти избы стоял грубо сбитый стол. Вдоль стены стояли лавки. Казенка – ящик, прикрепленный к печке для отдыха. Полати – тоже ящик, но плоский, прикрепленный под потолком, где обычно сидят дети. Задник – три широкие доски, заменяющие кровать, располагался в последней четверти избы.

Вот и все оборудование избы, вся ее мебель.

Я и двое меньших спали на полатах, отец и мать – на печке, остальные – на заднике, казенке, лавках.

Постели... Их по существу не было. На всю семью была одна перина и две подушки (приданное матери), а мы – молодежь спали кто на чем: под бок подстилали старые полушубки; под голову подкладывали верчушки (самотканые из хлопьев и волокон конопли); там же и одевались.

На полатах теплее, а вот на лавках и заднике холодно. Зимой, под утро, вода в кадках замерзала. Но это еще не все. С января-февраля начинали плодиться овцы, и ягнят, по мере их появления, забирали в избу. Телилась корова – теленка тоже брали в избу. Если растили маленького поросенка, он тоже был в избе. А где же еще его держать? Не было у крестьян теплых помещений для скота, такие теплушки были только у богатых.

Вся эта «молодежь» жила вместе с людьми, тут же и управлялась.

Если телилась корова рано (январе-феврале), то в сильные морозы ее заводили для дойки в избу. При доении она жевала сено, принесенное со двора. Ну и, конечно, оказавшись в тепле, как ей не оправиться.

Когда в хозяйстве бывали гуси, то в марте-месяце под лавками в кошелках на яйцах сидело 4–5 гусынь. Естественно, пол был черный, мыли его только к большим религиозным праздникам, ежедневно же скоблили лопатами и выметали грязь березовыми вениками. Только весной обстановка разряжалась. Вся живность выводилась на волю, тогда и пол мылся каждую неделю.

Такие условия бытия были, как я себя помню (с 1924 года) вплоть до 1931 года. После смерти отца живность резко поубавилась, но то что еще оставалось, продолжало зимой находиться с нами в избе.

Мать рассказывала, что до революции изба наша отапливалась по-черному, что значит без трубы. Дым из печи выходил не в трубу (ее не было), а в избу и далее через дверь. А зимой они сушили на печке коноплю, от которой была страшная пыль. Печь топили соломой. Дрова жгли только по большим праздникам (лес от села за 30 км), когда пеклись блины.

По вечерам в осеннюю и зимнюю пору, когда ночи длинные, мать и сестра пряли, превращая волокна конопли в нить, намотанными вначале на веретено, а затем на клубок. Прядение было основным занятием всех женщин села в ту пору.

Пряли и на посиделках во время постов, когда девушки собирались по 5–8 человек в одной избе по очереди, чтобы меньше жечь керосина, а парни сидели тут же и лузгали семечки, обмениваясь репликами и шутками.

Когда же прядение заканчивалось, начинался этап тканья. С этой целью собирался деревянный ткацкий станок, занимающий одну четверть избы (на месте задника) и начинался стук с раннего утра до поздней ночи.

Ткали по 6–8 и более холстов длиной 10–12 метров, одеяла, дорожки, где основа была пеньковая, а остальной материал состоял из лоскутов старой цветной одежды. Такой станок работал не менее недели с утра и до позднего вечера.

Зимой приходили на 5–6 дней портные – группы мужиков по 3–4 человека шить одежду и шубы из выделанных овчин. Эти портные ходили из избы в избу, куда их приглашали жители села.

Все было потом. А в мясоед вечерами не пряли, а молодежь водила хороводы, пела и плясала. Этот сбор молодежи у нас в селе назывался «кумочки».

Чем же питалось семейство из восьми душ? Тут необходимо опять же различать два периода: посты и мясоеды. Постов было много: «филипповка» – шесть недель перед рождеством, «Великий пост» – семь недель перед пасхой, летний пост (название забыл) – шесть недель. Кроме того, по средам и пятницам в мясоеды тоже люди постились. Во время всех постов, по средам и пятницам в мясоеды «скоромное» (мясо, молоко, яйца) ни в коем случае есть было нельзя. Как-то я украдкой попробовал молока, но пришлось раскаяться, так как получил за это кружкой по голове от матери. В постные дни типичным питанием дня было: завтрак – чугуны картошки в мундире с солью и миска огурцов на семью; обед – суп или щи (постные), заправленные перед едой ложкой конопляного масла, на второе – картошка или каша с конопляным маслом; ужин – все что осталось от завтрака и обеда, при этом щи или суп, как правило, прокисали.

Иногда отец покупал соленую рыбу. Очень редко мать пекла блины. Их мазали гусиным пером, опущенным в конопляное масло.

Однако с зимним постом было проще, не было тяжелого физического труда. Другое дело, летом. Уборка хлебов как раз начиналась летним постом. Люди работали от восхода солнца и до его заката, а питание было очень скудное. Скудное от того, что пост и от того, что в течение года все уже было съедено.

Еще малышом, помню, как на завтрак мы ели тюрю (черный хлеб, покрошенный кусочками, водой и с солью). В обед отец варил в ведре похлебку (разумеется, без мяса), а на ужин тоже тюрю. Люди валились с ног. Только, когда появлялись свежие огурцы, лук и другая зелень, положение с питанием несколько улучшалось.

В мясоеды другое дело. Утром и вечером давалось по кружке молока. Суп или щи варились с мясом. Да и на второе картошка готовилась со шкварками или каша с молоком.

В большие религиозные праздники (рождество, крещение, пасху) еды готовилось много. После жизни впроголодь и постов ели много, обильно, часто передали, болели животами.

Я, особенно, любил блины с мороженым молоком. За зиму молоко собиралось по мере надоя в кадку и намораживалось в сенцах, а в мясоед замерзшая масса скоблилась, взбивалась и становилась густой и холодной (подобно мороженому). В такую массу окунался горячий блин и с аппетитом уплетался.

В зимние праздники, после сытой еды, мужики, подогретые самогоном, выходили на площадь померяться силой в кулачном бою. Дрались улица на улицу, Большие Сарай на Малые Сарай, а то и все село на другое село Кривское. Начинали кулачный бой мальчишки лет по 10–12 (мне тоже приходилось начинать), затем постепенно вступала в драку молодежь, и наконец, в драку вступали основные силы. В таком кулачном бою с каждой стороны участвовало человек по 30–40. Нередко такой бой заканчивался трагично: ломались пальцы, руки, ребра, а то и хуже.

На масленицу катались на санках. Лошади облачались в лучшую амуницию.

У нас этой забавой много занимался Василий. Запряжет свою «карюху» в санки, постелет на них домотканый ковер, посадит девчат с гармонистом и катается по площади вместе с десятками других на виду у сотен людей, молодых и старых. А в толпе можно слышать:

– Это чей едет? Вот это лошадь! А санки-то, санки-то какие!

Все это развивало зависть, хвастовство, которое в свою очередь, имело значение при женитьбе. Хорошая слава (хорошая лошадь, сбруя, одежда) помогала выбрать невесту.

Страна в ту пору (1925–1928 гг.) переживала период новой экономической политики (НЭП), период свободы частного предпринимательства. В селе крестьяне расслаивались на бедноту, середняков и кулаков. Особую группу составляли местные торговцы, которые имели свои магазины, лавки, колбасные, мельницы, пекарни, ремесленные мастерские. Вся торговля на селе была в их руках. Государственная торговля была еще очень хилой, она еще слабо конкурировала с частной торговлей.

Авторитет в селе тогда определялся материальной составляющей. Больше почета и уважения имел тот, у кого больше скота, лучше постройки, лучшая одежда, больше денег.

Так продолжалось до 1929–1930 гг., когда кулаки и торговцы стали ликвидироваться как класс на основе сплошной коллективизации, а государственная торговля стала единственной торговлей, преодолев частную торговлю.

В большой семье, да еще в крестьянской без семейной дисциплины питания не обойтись. Если, к примеру, захотелось до обеда съесть кусок хлеба (самому нельзя, только с разрешения), то сколько не проси, не выпросишь. Ответ один:

«Скоро будем обедать». В редких случаях мать разрешала съесть кусок хлеба, когда просишь один «без свидетелей».

Но вот подошло время обедать. Отец, став перед иконами, размашисто крестится, нарежет хлеб ломтями (хлеб пекли на неделю и более, поэтому если в основном черствый хлеб), раскладывает ломти по кругу на столе перед каждым членом семьи. Мать кладет около каждого ломтя по деревянной ложке, наливает одну большую миску щей, садится к столу на углу лавки, предварительно перекрестившись. Все быстро садятся и приступают к трапезе. Однако ложкой можно только «хлепать» щи. Куски мяса, что плавают во щах, прихватывать нельзя, пока отец не ударит своей большой ложкой по миске (сигнал – брать мясо).

Я как-то раз, когда отец отвернулся, зачерпнул щи с мясом до его сигнала, но отец все же увидел и своей тяжелой ложкой ударил меня по лбу. Я заплакал и попытался выскочить из-за стола. Отец схватил меня за ухо и так рванул, что я мгновенно изменил свое решение. Капризничать в семье не полагалось.

Во время еды всех членов семьи из одной миски, особенно страдали невестки. Женился, например, Михаил и его жена с полгода жила у нас без мужа, так как он учился в Рязанском артиллерийском училище. Разве могла она наесться, стесняясь в чужой семье, да еще при таком грозном свекре. Мы все сработаем ложками по два-три раза, а она один раз. Отец бывало в ее отсутствие ворчал: «Как ест, так и работать будет».

Из всей семьи, пожалуй, только Василий был исключением. Здоров как бык. Приближаясь к 20 годам, он часто нарушал посты. Придя ночью с посиделок и проголодавшись, он открывал кадку с ветчиной, отрезал кусок с полкилограмма и под одеялом съедал его с хлебом. Отец, узнав наутро, бранился, а потом и побаиваться стал брата, особенно после одного случая, когда отец пришел пьяный и стал буянить. Василий, изловчившись, повалил отца и связал его. Долго он лежал. В начале грозил, а потом уже стал просить. Наконец его развязали. С тех пор отец реже стал буянить и драться.

В религиозные праздники все ходили в церковь, которая в отличие от теперешних сельских домов культуры, была величественной красавицей. Большая, вместимостью более двух тысяч человек, высокая с ярко разрисованными иконами по стенам и куполу, со сверкающими (покрытым золотом) алтарем, огромными красивыми люстрами и хоршим хором.

Церковная служба проходила торжественно, священники в дорогих облачениях и вся обстановка в церкви настраивала на серьезное отношение к происходящему.

Особенно торжественная служба была на пасху, с крестным ходом вокруг церкви, с применением пиротехнических средств (все искрилось, кружилось, стреляло), а людей столько, что в церковь все войти не могли. Естественно, в церковь ходил и я.

Зимой на крещение, после церковной службы толпа людей во главе со священником от церкви шла к реке, где у подготовленной проруби происходило освящение воды и обязательно был человек, который при 35-градусном морозе раздевался догола и окунался в воду проруби. Окунувшегося вытаскивали, заливали ему водку во внутрь, растирали его тело, завертывали в тулуп и везли на санях домой, где для него была натоплена была печка.

Из церковных обрядов особенно изнуряло «говенье». Постом перед пасхой, каждый житель любого возраста в течение недели (любая из семи недель) каждый день, утром и вечером, обязан был ходить в церковь замаливать грехи, накопившиеся за год. Говенье заканчивалось исповедью у попа, когда он спрашивал: «В чем грешен?», а затем причастием. Последнее было приятной процедурой. Жаль только, что мало давали: половину чайной ложки сладкой красноватой массы («тело христово») в рот. Ложка была одна на всех, ее не дезинфицировали, угощая всех: и старых и малых, больных и здоровых.

Одежда у членов семьи была только у взрослых. Зимой – валенки или лапти, полушубки, шапки из меха убитой собаки (у женщин теплые платки). Малышам-дошкольникам зимой одежды и обуви не полагалось. Они должны были сидеть на печке, а если у кого что-либо и было, то только доставшееся «по наследству» от старших братьев и сестер.

Бывало, что очень хотелось выйти на улицу, так как горку из снега ребята сооружали перед нашим домом, а выйти не в чем. Позже, лет в семь, я научился реставрировать старые, сношенные старшими братьями, лапти и выходить на улицу. Но не дай бог увидит отец, если выйдешь в исправных лаптях. По его мнению, это было расточительством, особенно, если в них кататься по льду, они же быстро придут в негодность.

В весеннюю распутицу мы приделывали к лаптям деревянные колодки (буквой «П»), чтобы не замочить ноги.

В лаптях я проходил все детство, вплоть до 7 класса включительно. Помню, отец раздобыл и купил в 1930 году мне демисезонное пальто и шапку, а на валенки денег не хватило. Вот я и ходил в приличном пальто, но в лаптях. Стыдно было. В это время мало кто ходил в лаптях, но что поделаешь, бедность.

Село наше называлось Сарай. Село большое – районный центр. Еще в ту пору в нем было более тысячи дворов. Много улиц. Но какие-то варварские названия улиц: Лягушинка, Кошкинка, Гнидовщина, Нахаловка и т. д. Теперь они переименованы, да и село стало теперь рабочим поселком.

Все о чем пишу, действительно было, здесь нет ничего преувеличенного и приукрашенного. Так жила наша семья до начала 30-х годов. В других семьях (у соседей) было тоже самое, у некоторых даже хуже. Были, конечно, хозяйства зажиточные, в которых положение было иное. Но основная часть (середняки), не говоря уже о бедноте, жили в таких условиях. Хорошо еще, если хлеба хватало до нового урожая, но чаще его хватало только до пасхи, а у бедняков, как правило, только до крещения, в таких случаях хлеб занимался у кулаков с условием отдачи его из нового урожая с большими процентами.

Правда, перед самым вступлением в колхоз (1930 г.), мы стали жить лучше.

У нас было две лошади, железный плуг. Отец набрал земли у родственников-бедняков исполу, что значит, землю обрабатывал, сеял отец, а полученный урожай делился пополам: одна половина владельцу земли, вторая отцу. Это резко увеличило количество хлеба. А много хлеба, много корма скоту. Значит, есть мясо. Продал хлеб, можно купить скот, одежду. Однако в кулаки отец выбиться не успел, началась коллективизация.

Вполне справедлив вопрос: «Как же так, советская власть уже существовала десять лет, а село со старым укладом жизни еще не распрощалось?».

Дело в том, что с изменениями политической системы, не так быстро происходят изменения в экономике, культуре людей, в их быту. Эти факторы еще долгое время оставались на прежнем уровне.

Конечно, в городах изменения были заметнее после установления советской власти, но в селах быт людей оставался, в основном, прежним. И хотя сама советская власть на селе с каждым годом укреплялась, постепенно теряла свои позиции церковь, а неграмотность, бескультурье, нищета и варварство еще долгое время оставались.

В 1926 году пришло время мне идти в школу. Мать одела на меня холщовую сумку через плечо для букваря и тетрадей, перекрестила и сказала:

– Иди. Я знал где находится Казинская начальная школа. Она находилась в метрах 800 от дома. Пришел и остановился у порога. Зазвонил звонок. Все разошлись по классам, а я не знаю куда идти. Начал реветь. Благо подошла какая-то женщина, спросила в чем дело, и отвела меня в первый класс.

Учили нас всему понемногу, в точном соответствии с изречением известного классика – «чему-нибудь и как-нибудь». Часто менялись учителя. Не редкими были случаи, когда одна учительница проводила занятия с двумя классами одновременно.

Однако в школу я ходил усердно, занятий не пропускал. Даже ненастная погода для меня не являлась препятствием. За четыре года научился читать, писать, считать, решать арифметические задачи. Плохо, что при выполнении заданий дома, мне помочь никто не мог. Старший брат Михаил в том же 1926 году ушел в Красную Армию, а остальные мои родичи могли только с трудом расписываться.

Товарищей у меня на нашей улице не было. Кто рожал детей в 1918 году?

Они появились потом, моложе меня на 2–3 года.

Учителя того времени, да еще в деревне, мало занимались воспитанием своих учеников. Их не интересовало, чем они занимаются за пределами школы и даже в самой школе на переменах. Бывало, когда на большой 30-минутной перемене мальчишки одной-двух улиц дрались

стеной на стену с мальчишками других улиц. Драка шла в коридоре и могла продолжаться в течение всего перерыва, пока не прозвучит звонок, и не появятся в коридоре учителя из учительской. Только тогда ученики расходились. Естественно, после драки были пострадавшие, тогда после занятий «проигравшая группа» караулила другую, чтобы взять реванш за уязвленное самолюбие.

Как только заканчивался учебный год школьники всех классов сразу включались в работу в своих семьях на полях. Никто не мог быть дармоедом. Каждый должен, в меру своих сил, свое отработать. Что мог делать мальчишка в 9-10 лет? Он мог ходить за плугом (пахать), боронить, во время уборки вить жгуты из соломы для связывания снопов, подбирать колосья граблями, полоть, на сенокосе ворошить сено и т. д. Работать надо было от зари и до зари, спать ложишься как убитый.

О пионерских лагерях мы тогда ничего не знали. Когда мне исполнилось 10 лет, Василий стал брать меня в ночное, а когда исполнилось 11 лет, то в ночное я стал ездить самостоятельно. Правда, лошадь у нас была очень злая, я ее боялся, особенно, после того, когда в возрасте лет семи поспорил с мальчишками, что поймаю ее, носившуюся тогда по лугу, и одену на нее уздечку. Закончилось все это укусом моей головы и нешуточной болью придавленной ноги шипом подковы. Эта отметина на ноге до сих пор напоминает мне далекое детство.

Наступил 1929 год. По решению 15-го съезда ВКП(б) на селе началась коллективизация. Приехали уполномоченные двадцатипяти тысячники агитировать крестьян в колхоз. На первых собраниях, проходивших ежедневно, больше говорили агитаторы, а крестьяне молчали и лишь через две-три недели крестьяне не без давления агитаторов начали записываться в колхоз. Бедноте терять было нечего, она сразу записалась. Тех, кто побогаче, раскулачили, некоторым упорным середнякам пригрозили и дело пошло. Процент охвата коллективизацией был доведен до 95 % и даже выше.

Но вот в газете «Правда» появилась статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и искусственно созданные колхозы быстро распались. В них остались преимущественно бедняки. Однако с осени 1929 года кампания коллективизации развернулась с новой силой и дело закончилось тем, что 70–75 % крестьянских хозяйств было коллективизировано.

В колхоз вступил и отец (настоял Михаил, приехавший в отпуск). Однако отец все же успел продать молодую лошадь (победила мелкособственническая психология) и в колхоз сдал на общий двор только старую лошадь.

Лето 1930 года – первое лето в необычных условиях колхозной жизни. Все было непривычно, необыкновенно. Работали впервые не в одиночку, а сообща под смех и песни, под острые слова.

Детям стало легче, не было такого труда, как в единоличном хозяйстве, ведь в колхозе работали, в основном только взрослые.

К осени на трудодни отец получил немало хлеба, во всяком случае его хватило на весь год. Получил он также корм для скота. В целом жить стало как-то легче, не было такого изнурительного, непосильного труда и для взрослых. Малолетние и старики теперь не работали в поле, а трудились на своих огородах. Часто были собрания. Правда, не было еще электрического света, но в целом жизнь стала насыщаться новыми явлениями, ранее отсутствующими в непростой крестьянской жизни. Начались существенные изменения и в культурной жизни. Вступала в силу антирелигиозная пропаганда. Появилось радио (громкоговорители), кино.

Крестьяне-колхозники стали выписывать газеты. Колхозный быт входил в каждую семью.

Начальная школа осталась позади. Если бы не было колхозов, с большой долей вероятности мои «университеты» на этом бы и закончились, но теперь колхоз не особенно нуждался в рабочей силе двенадцатилетних мальчишек. Надо было продолжать учебу. Но как и где? В Сараях на весь район была одна школа второй ступени, бывшая гимназия (с 5-го по 9-й класс), где еще было немалое засилье (особенно в старших классах) детей местных богатеев, которые

ходили в школу нарядно одетые, при галстуках, в пальто с меховыми воротниками. Мы тогда смотрели на них как на людей с другого мира. Но в том же году школу 2-й ступени начали очищать от богатых сынков.

Я написал заявление и отнес его в школу, указав, что у меня брат в Красной Армии. Когда же, накануне учебного года, я пришел узнать о моем приеме, то в списках принятых учеников в 5-й класс я себя не нашел. Однако я пошел в школу. Хожу день, два, три, пока меня не вызвали к директору, который накричал на меня и запретил мне посещать занятия.

Но, к счастью, в эти дни был очередной призыв в армию и Василия на этот раз тоже призвали на службу. Я сходил в сельсовет и взял справку, что и второй брат уходит в Красную Армию. Отнес ее директору и это решило мою судьбу. Директор не мог уже отказать, хотя Василия потом, по каким-то причинам в армию не взяли. Так я поступил в 5-й класс.

Если бы это было лет 10–15 назад, меня бы просто вытолкнули за дверь, но теперь в условиях утвердившейся советской власти положение стало иное. Директор школы хоть и «старого закала», но и он понимал, что отказать пареньку у которого два брата в Красной Армии, нельзя. Тогда уже и я стал понимать, что советская власть – наша власть, она за бедных, а не за богатых.

Я был горд, что учусь в школе 2-й ступени, хотя среди ребят села в то время учеба в школе еще не была в большом почете. Теперь я ходил в школу без оглядки, без риска быть выгнанным.

Занятия шли своим чередом. Все было хорошо. Но рядом со школой в пятидесяти метрах от нее стояла церковь. Идет урок, а тут звонарь бьет в колокол к заутрене или к обедне или просто упражняется в веселом перезвоне в какой-либо религиозный праздник. Учитель говорит, а ничего не слышно. Так было целый год, пока не закрыли церковь, а потом ее разрушили. Разумеется, верующие были против этого. Но все обошлось без эксцессов, хотя ходатаев в Москву за сохранение церкви было немало.

В конце 1930 года заболел отец. Он проколол палец и по обыкновению, как он это делал всегда, посыпал рану золой. Палец распух, посинел. Отец пошел в больницу. Врач сказал, что надо отрезать палец. Отец не согласился на операцию. Примочки не помогли. Начала распухать и синеть рука. Врач теперь настаивал на ампутации руки. Отец опять не согласился. Опухоль стала распространяться на плечо, и вскоре началось общее заражение крови. Положили отца в больницу, где он пролежал неделю и выписали его как уже безнадежного. Привезли его накануне Рождества.

Вечером, на первый день Рождества, собралась вся семья за столом. Кроме своих, был будущий муж Марии Степан, невеста Василия Анна.

Начали выпивать. Отцу, как больному не дали водки. Но он потребовал налить ему стакан. Протесты не помогли, пришлось уступить больному. Налили стакан. Отец выпил, крикнув. «А теперь давайте споем», – предложил отец. Спели. Отец подпевал.

Но вот вся молодежь ушла к соседям. Там свадьба. Был такой обычай в Сараях, да, пожалуй, и в селах всей Руси – ходить на чужую свадьбу и глазеть в окна или с порога на гостей и заваленные едой столы.

Отец, оставшись с матерью, попытался встать, но рухнул на лавку. Когда прибежали наши со свадьбы, отец был уже мертв.

Так еще не совсем старый – в пятьдесят лет отец ушел из жизни, ушел по темноте своей, но и по вине врачей тоже. По своему здоровью и силе отец мог бы прожить еще лет 30.

Похороны... Теперь старшим из мужчин остался Василий, на него вся надежда, ведь мне всего 13 лет, а еще двое моложе меня.

Случилось так, что той же зимой Мария вышла замуж за своего Степана. Женился и Василий (молодежь не стала придерживаться обычаев траура).

На следующую зиму Мария заболела, будучи беременной. Вместо того, чтобы отвезти ее в больницу, привели какую-то знахарку, по «заклучению» которой положили Марию на печку, укутали, поставили банки и пр. Три дня Мария охала, плакала, да и умерла.

Вскрытие в больнице показало, что у нее был гнойный аппендицит, перитонит. Если бы отвезли ее в больницу сразу, может быть жила бы она и до сих пор.

Смерть сестры была также следствием темноты и невежества, прежде всего, матери моей, мужа Марии Степана, который пассивно на все смотрел. Но что можно с них требовать. Они ведь не хотели смерти сестры. Они сами были во власти невежества.

Таким образом, не успели мы пережить одно горе, как нагрянуло второе. Но беда, как говорят, обязательно приходит и в третий раз.

В тот же год умерла жена Михаила – местная красавица Линька, так ее почему-то звали все. Умерла при родах в Рязани, где учился Михаил. Осталась девочка, которая умерла через полгода.

Зимой 1933 года ушел из дома Василий с женой в соседнюю хату, которую он получил в наследство от умершей одинокой старухи Жарчихи. Эта хатка была записана на Василия еще при жизни старухи с условием, что брат ее «припокоит», будет за ней ухаживать до ее смерти.

Теперь нас осталось четверо: мать 54 лет, я 14 лет и двое меньших. Я учусь в седьмом классе. Хлеба до мая. А тут еще весной подавилась корова, которую вынуждены были прирезать. Так как корова была очень худая, то от нее не было ни мяса, ни денег.

Шел памятный 1933 голодный год. Голодный он был не только для нас, но и для всех, но для нас особенно.

Меня приняли в комсомол. В этом же году вышло постановление об упразднении на селе всех школ второй ступени. Вместо них создавались школы колхозной молодежи (ШКМ) – семилетки.

С большим трудом (в смысле трудностей жизни) я окончил семь классов ШКМ. В доме ни куска хлеба, не говоря уже о мясе, ни одной картофелины, ни грамма крупы.

Сразу же пошел работать в колхоз, где работающим давали по пайке (300–400 грамм) хлеба, один раз в день варили картофельный суп или пшенную похлебку. Мать тоже работала. Но когда мы приходили домой, есть было нечего. Мать обрезала на огороде свекольные листья и варила их. Это было на ужин и на завтрак. И так все лето. Как же ненавистна была эта свекольная жижа. До сих пор ее вспоминаю с содроганием. Одна мысль тогда сверлила мозг: как бы чем-нибудь наполнить желудок, утолить голод. Однако, не смотря ни на что, выжили.

Заканчивается август. Надо думать о том где учиться. Прочитал объявление, что в Рязске (в 60 км от Сарай) объявлен набор в педагогический техникум.

Взял документы, поехал. Экзамены сдал, в техникум поступил.

Две недели занятий и две недели утром, в обед и вечером давали в столовой только капусту и по куску хлеба. Как жить, как учиться? Решаю уехать. Документы не дали, уехал без них, мне их выслали позже.

Снова работаю в колхозе. С продовольствием стало лучше, появился хлеб нового урожая. На огороде выращены овощи.

Когда полевые работы были закончены, мне предложили быть заведующим красным уголком колхоза. Обязанности не сложные: следить за зданием; топить; открывать его вечером; раскладывать имеющиеся брошюры, которые никто никогда не читал; закрывать помещение.

Каждый вечер со всех концов села в красный уголок сходилась сельская молодежь. Парни большей частью под хмельком. У всех по карману семечек. В красном уголке своя гармонь, а гармонистов в селе немало. Так с 7–8 часов вечера и до 12 часов ночи пляска, танцы, хороводы, лузгание семечек.

Когда все покорно расходились, на полу оставался слой шелухи, хоть лопатой гребь.

На другой день надо было мести пол, иногда мыть (эту работу выполняла женщина), а вечером все сначала. За свое «заведывание» я получал полтрудодня (пятнадцать трудодней в месяц). Это немало, ведь зимой у колхозников больших заработков не было.

В ту зиму мне пришлось впервые быть в Москве. Как я уже упоминал, младшая сестра заикалась от испуга в детстве. Мать часто говорила о том, что ее надо лечить. В школе комитет комсомола добился ее направления через райком комсомола в Москву на лечение.

Мать продала свой самотканый ковер и с направлением райкома комсомола мы подались в Москву. Остановились в Москве у двоюродного брата.

На другой день я отправился в Центральный комитет Коммунистического Союза молодежи, что на Старой площади в здании ЦК ВКП(б). Нашел нужного человека, как мне объяснили. После расспросов и допросов «нужный человек» направил нас в Московскую областную больницу, где нас принял врач. Врач объяснил: «Лечить будем, но для этого нужно каждый день приезжать в больницу для амбулаторного лечения в течение месяца-полтора». А на что жить вдвоем в Москве и где? Нам это не подходило. Вынуждены были уехать домой.

Так мы прокатали ковер и не вылечили сестру.

С весны 1934 года снова пошел работать в поле. Мне пятнадцатилетнему пареньку доверили две пары лошадей с плугами. Я уезжал на 5–7 дней и пахал вместе с девятилетним Алешкой. Запрягу две пары лошадей в два плуга, и пашем вместе. Работали от зари до зари, зарабатывая в день по два трудодня и более.

За лето мы заработали немало хлеба, его хватило на всю семью на весь год.

В августе 1934 года стало известно, что в Сараях открывается в новом здании новая школа, но теперь уже десятилетка. Подал заявление и меня приняли в 8-й класс. Но учиться, когда в доме, кроме меня еще три рта, трудно. Поэтому через РОНО я устроился учителем вечернего ликбеза. Это значит, что три вечера в неделю я приходил в одну из изб колхозников и там обучал грамоте взрослых, в том числе бабушек и дедушек. Моя задача была научить их писать и читать, решать простейшие арифметические задачи. За эту работу я получал в месяц 50 рублей, что было для меня не мало. К урокам готовился между школой и ликбезом.

В те длинные, зимние вечера, особенно, когда не был занят ликбезом, пытался что-либо читать, но жечь керосин мать разрешала только в течение того времени, когда я готовил уроки. Для чтения книг жечь керосин было непозволительной роскошью. Поэтому, как только мать замечала, что я отложив учебники, берусь за книгу, гасила свет. Тогда я приспособился читать при лампаде, что горела перед иконами. Но и это часто не позволялось. Мать считала, что читать книги совершенно не обязательно, пустая трата времени и керосина. Другое дело готовить уроки, это надо. И никто ее не мог переубедить.

Хотя и подрабатывал я в ту зиму, но бюджет семьи был, конечно, скудный.

Одежду покупать было не на что. Зимой я ходил в полушубке (подарок Михаила), на ногах разбитые туфли с калошами, перевязанные проволокой. Когда же туфли и калоши совсем развалились, в марте купили мне подшитые валенки. Вскоре началась распутица, и я топал по воде в валенках, пока не стало сухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.